

Булахов М.Г. Петр Саввич Кузнецов // Восточнославянские языковеды. — Минск, 1977. — Т. 2. — С. 312–327.

Березин Ф.М. Петр Саввич Кузнецов — жизнь и труды: (К 100-летию со дня рождения ученого) // Рус. яз. в школе. — М., 1999. — № 1. — С. 88–94.

Ф.М.Березин

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАРИН

Автобиография Бориса Александровича Ларина

“Родился 5(17) января 1893 г. в г. Полтаве в семье учителя, позже ставшего священником. Отец умер в январе 1930 г., мать умерла в 1937 г. Учился в Каменец-Подольской гимназии (1902–1906), потом в Киевской Коллегии Павла Галагана (1906–1910), наконец, в Киевском университете на историко-филологическом факультете (1910–1914). В студенческие годы занимался древнерусской литературой под руководством проф. В.Н.Перетца, сравнительным языкознанием и санскритом — под руководством проф. Ф.и.Кнауэра. В 1913–1914 гг. дважды ездил в Литву изучать диалекты литовского языка. С начала 1915 г. был оставлен при Киевском университете (“профессорским стипендиатом”). В связи с эвакуацией Киевского университета в Саратов и уходом из университета моего руководителя проф. Кнауэра, был командирован в Петроградский университет (осенью 1916 г.). Там продолжал занятия по славистике под руководством проф. Л.В.Щербы и проф. И.А.Бодуэна де Куртенэ, по санскриту — с акад. Ф.И.Щербатским, по древнеиранским языкам с акад. К.И.Залеманом, по романским языкам с проф. Д.К.Петровым и по балтийским языкам с доц. Э.А. Вольтером.

С 1914 (август) по 1922 г. (июнь) я вел преподавание в средних школах Киева, затем Петрограда.

С 1919 г. начал преподавание в высшей школе: во II Гос. педагогическом институте в Петрограде, затем в Объединенном III пед. институте им. Герцена (с 1920 г.), наконец, в Петроградском университете (с 1924 г.). В 1922 г. я был на Ученом совете II пед. института впервые избран профессором, затем трижды еще был утвержден в этом здании (в 1928, в 1929 и 1938 гг.).

За 37 лет преподавательской работы в высшей школе я читал многочисленные курсы (общие и специальные): по общему языкознанию, по введению в русскую этимологию, по русской диалектологии, по истории русского языка, по старославянскому языку, по сербскому и польскому языкам, по введению в балтийскую филологию, по литовскому языку, по украинскому языку, по санскриту, по языку писателя.

С 1924 г. и до 1940 г. ежегодно, а также в 1947, 1949, 1950 гг. я ездил с группами студентов и аспирантов в диалектологические экспедиции. В 1926–1931 гг. изучал речь рабочих, производственно-профессиональную терминологию текстильщиков, бумажников, керамиков, печатников. Принимал участие в организации 1-й, 2-й и 3-й Всесоюзных диалектологических конференций (1938–1939–1944 гг.), а также трех Украинских республиканских диалекто-логических совещаний (II, III, IV – в 1947–1949 гг.).

Основные мои работы посвящены истории и диалектологии русского языка. Ряд подготовительных исследований завершается моей докторской диссертацией: “Три иностранных источника по истории русского языка XVI–XVII вв.” (1947).

Второй цикл моих работ относится к лексикографии — главным образом русского языка, а также украинского и литовского. Несколько лет я участвовал в составлении “Толкового словаря русского языка” под ред. проф. Д.Н.Ушакова. С 1934 г. и до осени 1949 г. я посвящал много времени и сил созданию полутора-миллионной картотеки Древнерусского словаря, затем редактировал рукописи 1-го, 2-го и начала 3-го тома.

Ряд моих работ относится к теории литературного языка, стилистике, изучению языка писателя.

Небольшое число моих работ посвящено балтийской и индийской филологии.

В конце декабря 1941 г. я был эвакуирован на самолете из

блокированного Ленинграда. Работал полгода в Ташкенте, затем в Кировском пединституте в гор. Яранске (профессором и деканом), затем в Москве (в Моск. Ì пед. ин-те иностранных языков), а с осени 1944 г. снова в Ленинграде (в Университете и Ин-те русского языка АН СССР).

С 1945 г. после избрания членом-корреспондентом АН УССР я организовал в Киеве работу по составлению Диалектологического атласа украинского языка.

В июне 1949 г. я был избран действительным членом Академии наук Литовской ССР. Там же я реорганизовал словарную работу и положил начало составлению Диалектологического атласа литовского языка. После уличной катастрофы в 1952 г. в Вильнюсе я по болезни вынужден был уйти из Института литовского языка и литературы и продолжал только работу по подготовке кадров для Лит. ССР. Инфаркт миокарда в 1955 г. заставил меня еще больше сократить свою административную и преподавательскую работу. Оправившись от болезни, я хочу подвести итоги своим многолетним размышлениям по истории русского литературного языка, по лексикографии и лексикологии, по литовскому языку.

Ленинград

6 мая 1956 г.

Проф. Б.А.Ларин” (Ларин 1977:214–215)

В дополнение к собственноручно написанной автобиографии можно сообщить следующее. С 1919 г. Ларин в Петрограде, и с тех пор этот город становится его второй родиной. С 1924 г. он в качестве доцента на кафедре общего и сравнительного языкознания привлекается к работе в Ленинградском университете. Параллельно с этим он преподавал и в педагогическом институте им. А.И.Герцена, где с 1928 г. стал профессором кафедры русского языка, и на Высших курсах при Институте истории искусств, куда его привлек Л.В.Щерба и где ему был поручен курс древнеиндийской поэзии. Кроме того, с 1923 г. Ларин – научный сотрудник Института литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ (после 1930 г. – Институт речевой культуры)¹. 1933 г. он ведет научную работу в Институте языка и мышления АН СССР, впоследствии Институте русского языка АН СССР. С 1937 по 1941 г.

¹ О работе Института речевой культуры (ИРК) см. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов // Язык и речевая деятельность: – СПб. – 1999. – Т. 2. – С. 206–211. – Прим. автора.

Ларин заведовал кафедрой русского языка в пединституте им. А.И.Герцена.

С Ленинградским университетом Ларин связал свою деятельность в последние годы жизни: с 1944 г. он – профессор ЛГУ, а после 1951 г. ЛГУ становится его основным местом работы. Здесь он создает свою школу, основывает научный центр, ставший его любимым идейным научным центром, Межкафедральный словарный кабинет, продолжающий научные традиции своего основателя. Здесь он последовательно заведует кафедрами русского языка (1953–1954), общего языкознания (1955–1961), славянской филологии (с 1961 г. до смерти). Дважды, в 1956 и 1960 гг., он избирался деканом филологического факультета.

Научные заслуги Ларина были высоко оценены избранием в члены-корреспонденты Украинской АН (1945) и в действительные члены Литовской АН (1949). В 1961 г. Ларину было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Он был награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного знамени.

В июле 1963 г. Ларин тяжело заболел (третий инфаркт миокарда), и 26 марта 1964 г. он скончался.

Ларин вспоминал: “С юношеских лет я вынес глубокое убеждение, что основным и первым занятием лингвиста должен быть живой язык, а не литературный. Образная фраза, которую предложил для характеристики диалекта Балли, мне кажется правильной. Она такова: литературный язык является ледяной коркой, которая сковывает поверхность потока мощного, бурного, часто мутного. Она его охраняет, но она и скрывает его тайны, его жизнь” (цит. по: Мещерский, 1971:149).

О Ларине в годы Великой Отечественной войны, когда Ларин работал в Ташкенте в период эвакуации, а также в Яранске, а затем в Москве, вспоминает Е.М.Иссерлин, которая училась у него в 1926 г. Будучи студенткой третьего курса, она впервые увидела и услышала Ларина. Молодой (ему было всего 33 года), худощавый, смуглый, он у падких на прозвища студентов был окрещен “голодающий индус”. Студенты шутливо называли свои семинары модным тогда словом “трест”. У них был Жиртрест (семинар В.В. Виноградова), появился и Гортрест (семинар Ларина по языку города). Тогдашние семинары не носили строго официального характера, всегда строились на дружественных отношениях с руководителями; студенты бывали у них

дома, руководители охотно приходили на студенческие веселые и остроумные вечеринки.

С начала войны руководимый Лариным коллектив сектора Древнерусского словаря распался, сотрудники разъехались в эвакуацию по разным городам. Иссерлин публикует выдержки из писем Ларина к ней за 1 период с августа 1941 г. по октябрь 1944 г. Эти выдержки из писем рисуют довольно подробно картину его жизни, быта, занятий, размышлений в период эвакуации. В частности, Ларин пишет ей о случившемся с ним несчастье — в лесу на дровозаготовках (в Яранске) он глубоко разрезал себе ногу, рассечена была основная артерия и ряд сосудов, повреждена кость. Он боялся за свою жизнь. Но тем не менее он вел интенсивные занятия в местном институте: читал курсы по общему языкознанию, санскриту, украинскому языку, культуре речи, руководил двумя кружками (лингвистическим и выразительного чтения). Мрачные письма писал ему В.В.Виноградов. В 1944 г. Ларин возвращается в Ленинград. “Надо возвращаться, — вспоминал Ларин, — но долго еще нельзя будет без острых болезненных ощущений касаться дверей и столов, тротуаров и решеток Ленинграда. Только новые люди могут спасти, заслонить прошлое, и дать силы к огромной созидательной работе этого года и ближайших лет” (цит. по: Иссерлин, 1993:9–20).

Ларин и продолжил эту огромную созидательную работу. “С равной глубиной научного проникновения он трудился и как санскритолог, изучая язык, литературу и культуру древнего индийского народа, и как литуанист, внимательно изучивший языки балтийской ветви — литовский и латышский, и как филолог-славист самого широкого профиля. Основные труды Б.А.Ларина принадлежат науке о языке... Особенно глубокие филологические разыскания Б.А.Ларина относятся к области исторической лексикологии, изучаемой в неразрывном единстве с семантикой, а также к исторической диалектологии славянских языков, преимущественно русского и украинского.

Структура научных интересов Б.А.Ларина

Филология как органическая связь изучения языка и литературы

Санскритология	Литванистика	Славистика
	Украинистика	Русистика
Диалектология	Историческая лексикология	Стилистика русской художественной речи

(Мещерский, 1971: 151).

Центральной областью научных интересов Ларина продолжала оставаться историческая лексикология и лексикография восточно-славянских языков вместе с исторической диалектологией. При этом Ларин исходил из следующего постулата: “Незыблемым ...остается положение о необходимости изучать историю языка в тесной связи с историей народа” (Ларин, 1975:7). В этом отношении Ларин целиком разделял прогрессивные взгляды русских лингвистов, в частности, А.А.Шахматова (1864–1920), который также утверждал, что выяснение и исследование судеб русского народа лучше всего исследовать через данные, извлекаемые из языка и его диалектов. Через все работы Ларина проходила сквозная мысль о том, что “с историей народа, его воззрений, моральных оценок, социального уклада, быта и культурных достижений непосредственно и широко связан словарный состав языка” (Ларин, 1977: 46). Анализируя историю в русском языке таких слов, как *лютый зверь, семья, кавардак, буй, погост*, он показывает нам социальный уклад русского народа в Московской и Киевской Руси, переход значений слов от предметного значения к абстрактному, причины этого перехода. В “Очерках по истории слов в русском языке. Вводная заметка” (1940) он выступает против отождествления истории слова с изучением его

этимологии, которая до последних дней, по его словам, коснела в сумрачных тенях средневековья. Свою задачу Ларин понимал так: “Не происхождение слов, не зарождение образующих элементов, а конкретную историю слов — именно тех, какие мы сейчас употребляем, и именно в том составе, в каком они живут в нашем языке — необходимо подробно и углубленно разрабатывать. Этим самым определяется и база и рамки исследования” (Ларин, 1977:44). История отдельных слов, полагает он, связана с историей целых пластов словарного богатства не только в русском, но и в любом другом языке.

Отсюда понятно, почему при разнообразии и широте размаха научных интересов у Ларина центральное место занимает историческая лексикология. Во вводных лекциях к спецсеминару по исторической лексикологии, прочитанных им в 1962 г., он дал свое понимание целей и задач этого раздела языкознания, не потерявших своего значения и до настоящего времени. Если общая лексикология как наука, возникшая в русском языкознании сравнительно недавно, в 20–30-х годах XX столетия, занималась определением границ этой науки, предметом своего исследования, то историческая лексикология, полагает Ларин, должна заниматься историей слов. Далекую цель исторической лексикологии Ларин видит в выяснении таких компонентов словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом, т.е. обнаруживают прочные устойчивые связи. Нужно, полагает он, искать целостные группы слов со стойкими внутренними связями. Ларин считает чрезвычайно неплодотворной теорию семантического поля, разрабатываемую И.Триром (1894–1970) и Г.Ипсенем, согласно которой постулировалось наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля, выражаемого лексемой с общим значением. После выявления целостных групп слов следующий этап исторической лексикологии Ларин видит в установлении циклов, чередовании медленного эволюционного развития и переломов в развитии словарного состава, резких глубоких изменений, протекающих в относительно ограниченное время. Эта далекая цель исторической лексикологии.

Начинать же он предлагает с истории отдельных слов, исходя из структуры слова, его системных отношений, вытекающих из самой семантики слова. Важнейшим вопросом исторической лексикологии является изучение изменчивости словарного состава. Для лексиколога важна не констатация утраты слова, а выяснение причин этих утрат,

причин появления новых слов, обусловленных культурно-историческими факторами. И задача исторической лексикологии, по словам Ларина, — проследить подробно, по памятникам, процесс утраты и появления слов.

По каким же причинам происходит утрата старых слов? Ларин выявляет три причины: 1) утрата слова может происходить вследствие внутренних, системных причин; 2) слова могут исчезать в силу возникающей омонимии (*ключ* от замка, *ключ* нотный, *ключ* ручей); 3) внутренней причиной исчезновения слов можно считать утрату ими морфологической прозрачности в результате действия фонетических законов (например, ст.-слав. *упъвати* после падения редуцированных должна бы дать форму *увати*; такая форма не сохранилась, и вместо нее мы имеем форму *уповати*).

На появление новых слов влияют внеязыковые факторы (появление новых идей, вещей и т.д.), которые являются определяющими.

Проблему периодизации развития русского языка с точки зрения исторической лексикологии Ларин представляет следующим образом: 1) первый этап продолжался с VI–VIII вв. н.э. до XIV в., когда древние памятники уже застали диалектные различия общевосточно-славянского языка; 2) второй период XIV–XVIII вв., когда появляются современные восточнославянские языки; 3) третий период длится с XVII в. до начала XX в. После Великой Октябрьской социалистической революции начинается новейший период развития русского языка.

Источниками изучения исторической лексикологии являются: 1) берестяные грамоты, интересные тем, что они отражают обиходный новгородский язык среднего сословия и 2) зарубежные памятники по русскому языку, которые содержат много слов, нигде больше не зафиксированных, связанных с бытом, торговлей, производством. К этому циклу работ относятся монографии Ларина “Парижский словарь московитов 1586 г.” (1948) и “Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)” (1959), а также “Русская грамматика Лудольфа 1696 г.” (1937). Исследуя записи Лудольфа, Ларин определяет, что это был язык среднего городского населения и так называемых посадских людей, речь которых повлияла на установление светских литературных стилей в расцвет Петровской эпохи. В “Парижском словаре московитов” отражен общерусский бытовой язык XVI в. Русский текст записан латинскими буквами, но в фонетической транскрипции. К русскому тексту дан французский перевод.

Характеризуя указанные выше работы, Ларин в тезисах докторской диссертации “Три иностранных источника по русскому языку XVI–XVII веков” (1947) пишет: “Диалоги в книге Лудольфа... отражают московскую речь в ее пестром составе достаточно точно... Парижский словарь 1568 Московитов..., самый состав лексики, а также и фонетические особенности ее..., указывают на холмогорский говор как источник этого словаря... Изучение записей Р.Джемса привело к заключению, что в них мы имеем наиболее богатый, достоверный и ценный материал из иностранных источников по русскому разговорному языку начала XVII в., какие до сих пор найдены... однородность и близость некоторых данных записной книжки Джемса и Словаря московитов дают возможность реконструировать холмогорский говор XVII–XVIII в., они раскрывают нам, как и следовало ожидать, некоторые неизвестные и почти исчезнувшие теперь его элементы” (Ларин, 1959: 307–310).

“Содержащиеся в Словаре-дневнике Р.Джемса записи русских слов и словосочетаний (речевые формулы, идиомы, сложные термины), которых более 2200 единиц, не только раскрывают значительную часть фонда общенародной обиходной русской нации и ее языка, специфику словаря холмогорского говора этой поры, но и позволяют наглядно представить себе социальную, хозяйственную и производственную жизнь, быт и культуру русских людей в то далекое от нас время” (Волков, 1993:73).

Книга Ларина “Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса (1618-1619)”, “завершающая собой серию ценных публикаций источников, до того почти не включавшихся в научный оборот русистики, может быть, смело названа шедевром Б.А.Ларина” (Мещерский, 1971: 156).

Подводя итог своим рассуждениям о лексикологии, Ларин говорит, что объектом лексикологии, строго говоря, является не слово, а тексты, в которых мы вычленим искомое, исследуемое слово и путем широкого сопоставления большого количества текстов изучаем те изменения, которые происходят и в его знаковой, и в его смысловой стороне. Тем самым устанавливается внутренняя связь исторической лексикологии с другими разделами истории языка.

Одним из таких разделов для Ларина была и оставалась диалектология как лингвистическая дисциплина, наиболее близко подводящая к пониманию закономерностей развития живой разговорной

речи. В 1960 г. Ларин опубликовал статью “Историческая диалектология русского языка в курсе акад. А.А.Шахматова”, в которой он выразил полное согласие со словами Шахматова, который писал: “Диалектология изучает взаимные отношения сложившихся в пределах того или иного языка говоров, характеризует особенности этих говоров и анализирует их, если это возможно, с точки зрения их диалектного происхождения. Таким образом, в изучении диалектологии необходимо вводится сравнительно-исторический метод” (Шахматов, 1916:63).

Пример такого применения сравнительно-исторического метода при изучении лексики русских говоров Ларин дал в статье “Об архаике в семантической структуре слова (*яр-юр-буй*)” (1963), в которой он, привлекая материал славянских и индоевропейских языков, раскрыл внутреннюю форму и показал семантические процессы в указанных словах в славянских и индоевропейских языках. Современным русским говорам, отмечает Ларин, слова *яр-ярок-яруга* известны в разнообразных значениях и почти на всей территории распространения русского языка в Европе и Азии. Богатые материалы по употреблению слова *яр* и его производных свидетельствуют о его древности в русском, украинском и польском языках. Проанализировав эти слова, Ларин приходит к выводу, что “дальнейшие разыскания других цепочек, других групп слова — с однотипным, но не типичным сочетанием значений — позволяет расширить круг реконструируемых архаических семантических комплексов и написать начальную главу исторической семасиологии славянских языков” (Ларин, 1977:100). Эта намеченная Лариным линия исследований была продолжена в работах Никиты Ильича Толстого (1923–1996) и Олега Николаевича Трубачева (1930–2002).

С диалектологических поездок к литовцам и началась научная деятельность Ларина. Результаты исследования литовских говоров он обобщил в обширной статье “Материалы по литовской диалектологии” (1926). А в августе 1946, почти сразу после войны, Ларин совершил диалектологическую поездку в Архангельскую область, в район Холомогор, где в 1618–1619 гг. почти год провел Ричард Джемс. А еще ранее, после поездок в Литву, Ларин возглавил экспедиции в ряд районов Новгородской области с тем, чтобы производить там запись материалов, характеризующих разговорную речь разных слоев населения. Летом 1963 г. он собирался совершить поездку в Саратовскую область, чтобы изучить речь выходцев из Литвы, переселившихся в Поволжье еще в XIX в. Но болезнь помешала осуществить эту поездку.

С изучением диалектов купечества, посадских людей, крестьянства на Руси в XVI–XVIII вв. связан замысел Ларина о создании проекта древнерусского языка, который послужил бы основой для создания исторического словаря русского языка. В статье “Проект древнерусского словаря” (1936) он отмечает, что без диалектологических материалов нельзя дать правильного и сколько-нибудь полного представления об истории слов в разных слоях общества, нельзя дать исторической перспективы и динамического изображения развития значений полисемантических слов, нельзя верно объяснить это развитие. Под руководством Ларина была создана уникальная картотека древнерусского словаря (ДРС), насчитывающая полтора миллиона карточек из громадного числа опубликованных и рукописных памятников русского языка древнего периода, относящихся к XV–XVIII вв. В 1941 г. был сделан пробный набор Словаря древнерусского языка XI–XVIII вв. и отпечатан первый том этого словаря и подготовлен второй том словаря. Однако в 1951 г. издание словаря было прервано, картотека ДРС была переведена в Москву, где она перестала пополняться новыми выписками. На основе картотеки ДРС Ларин написал несколько очерков по истории слов русского языка: “Очерки по истории слов в русском языке” (1940), “Из истории слов (*лютый зверь, семья, кавардак*)” (1951), “Из истории слов. Буй-погост” (1962), “Проект древнерусского словаря” “...справедливо признан не только первым научным изданием этого типа, но и образцом для последующих трудов по русской исторической лексикологии” (Мещерский, 1971:154). Картотека ДРС легла в основу “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, начавшего выходить в 1975 г. (Более подробно о создании картотеки ДРС см. Астахина, 1993: 30–39).

Идея создания исторических словарей не покидала Ларина до последних дней его жизни. Частично его замыслы нашли свое отражение в Псковском областном словаре с историческими данными, инструкцию к которому Ларин составил в 1961 г. В словник словаря были включены слова, взятые из исторических памятников древней псковской письменности, начиная с XIV в. В 1967 г. вышел первый выпуск этого словаря (А — *бибишка*), в 1973 — второй выпуск (*библиотека — башутка*), в 1976 г. — третий выпуск (В — *взяться*), и в этом же году сдан в печать четвертый выпуск (*ви — вот*).

“Принцип Б.А.Ларина в расписывании древнерусских памятников для словаря заключался в том, чтобы сперва изучить историю текста памятника и памятников и только затем его расписывать для

картотеки, чтобы не засорять ее ненужными карточками, Б.А.Ларин считал необходимым расписывать только древнейший текст, для чего надо было установить редакции текста и их взаимоотношения. Дата памятника, а не простая дата списка, была для него основной. В этом отношении принцип расписывания памятника на карточки совпал у Б.А.Ларина с основами современной текстологии: сперва изучить историю текста и только после этого его издавать и им пользоваться” (Лихачев, 1977:8).

Диалектизмы интересовали Ларина не только в языке древних русских письменных памятников. В статье “Диалектизмы в языке советских писателей” (1935) он отмечает, что в диалектах имеется непечатый пласт сильных эмоционально-экспрессивных средств, которые в формах диалектной речи доходят до читателя с потрясающей доходчивостью. Диалектизмы в языке художественной литературы, по мнению Ларина, служат сигналом правдивой передачи натуры. Общий вывод Ларина сводится к следующему: “Язык художественной литературы как был, так и будет на стыке книжного и разговорных типов языка. Он останется питомником языковых скрещений и сферой обновления языка человечества” (Ларин, 1974:245).

В последнее десятилетие своей жизни Ларин большое внимание уделял составлению словарей к произведениям отдельных мастеров литературы. Он считал необходимым создать такой словарь языка писателя, в котором была бы полностью отражена художественная стилистическая система, характерная именно для этого автора. Словарем такого типа должен был стать “Словарь автобиографической трилогии М.Горького”. В статье “Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М.Горького” (1962) он излагает свое понимание принципов такого словаря. Он делит все разновидности словаря писателя на два типа: а) дифференциальные и б) полные. Наиболее ценными могут быть только полные словари избранного писателя. “В словаре писателя необходимо уловить не сквозной семантический стержень множества словоупотреблений, а каждый единственный семантический комплекс слова — в каждом абзаце поэтического текста” (Ларин, 1974:221). Первым этапом работы над составлением алфавитного словаря писателя-классика является соблюдение лексикографической традиции. Затем следует второй этап — составление идеологического словаря писателя, который должен включать только канонические тексты, лишь то, что вошло в вековой

фонд русской и мировой литературы. Словарь писателя — это не словарь-справочник, а словарь-монография о творческом стиле писателя, соревнующийся в “эссеистскими” монографиями литературоведов. Под руководством Ларина в Межкафедральном словарном кабинете началась работа над составлением Словаря автобиографической трилогии Горького, и в 1974 г. вышел первый выпуск этого словаря (А — *всевидающий*).

Ларина следует признать, пожалуй, одним из первых пионеров социолингвистических исследований в СССР, которые в 20-х годах XX в. были в зачаточном состоянии не только в СССР, но и во всем мире. Он резко выступал против марровского учения о едином мировом языке, считая представление о будущем солидарном человечестве с единым мировым языком весьма наивным. Свои взгляды о решении языковых проблем в государстве Ларин изложил в докладе, прочитанном в мае 1926 г. в секции общего языкознания Института литературы, языка Запада и Востока (ИЛЯЗВ) и напечатанных в 1928 г. статьях “О лингвистическом изучении города” и “К лингвистической характеристике города (несколько предпо-сылки)”. Ларин пришел к выводу, что проблему языковых отношений следует изучать сперва не в общегосударственном масштабе, а с исследования лингвистической ситуации в больших городах. “Если бы картографически представить лингвистическую разработку, например, современной Европы, — писал он, — то самыми поразительными пробелами на ней оказались бы не отдаленные и неприступные уголки, а именно большие города” (Ларин, 1977:175). И центральной темой возникающей социолингвистики он считал изучение состава и структуры языкового быта города. А уже вслед за этим может изучаться и следующая тема — языковое взаимодействие города и деревни. Говоря о многоязычии в большинстве городов мира, Ларин констатирует, что язык в многонациональном коллективе выполняет двойную функцию: с одной стороны, он является фактором социальной дифференциации, а с другой — фактором социальной интеграции. Если же брать языковую ситуацию в большом городе в целом, то приходится признать, что языков здесь всегда много и сожительство их едва ли когда-нибудь можно было назвать мирным. Тесная и длительная солидарность и совместная деятельность в городе не может осуществляться без какого-то одного общего языка, не исключая и функционирование разных языков. Язык в многонациональном городе выступает как средство обособления общественных (социальных) групп.

Общественная жизнь в большом городе с той или иной необходимостью навязывает каждому индивидууму знание двух или более языков. Изучение языка города позволит выяснить основные понятия и установить особую терминологию для языка города и его структуры.

Рассмотрев различные формы языковых отношений в больших городах, Ларин приходит к выводу, что “на пути к общечеловеческой солидарности... мы должны пристально и широко изучать быт больших городов, где она выковывается, и активно поддерживать все ведущие в ней тенденции. Одна из важнейших — распространение многоязычности” (Ларин, 1977:196). В связи с этим он формулирует задачи не только в области углубления социолингвистических исследований, но и в области языковой политики. “А в политической практике, — пишет он, — неизбежны правовая и финансовая под-держка всеобщего двуязычия и потенциального полиглотизма, в государстве со множеством языковых партий проведение двуязычия с одним постоянным и вторым переменным диалектом — от школы до армии (и, конечно, в государственном аппарате) абсолютно необходимо. В частности, наша ближайшая задача — всеобщая грамотность на двух языках” (Ларин, 1977:194).

Не употребляя термина “язык(и) межнационального обще-ния”, Ларин говорит о развитии русско-национального и нацио-нально-национального двуязычия и многоязычия.

Нельзя не отметить, что при неразвитости социолингвисти-ческих исследований научный подход к решению национально-языковых проблем зачастую подменялся административными методами: везде стал насаждаться русский язык в качестве обязатель-ного во всех республиках бывшего СССР, стали сужаться функции национальных языков, сокращалось количество национальных школ и т.п. Поэтому сейчас представляет исключительный интерес социолингвистический взгляд Ларина. Особенно злободневно звучат его слова, сказанные в 1920-х годах, о том, что нужно отказаться от догмы одноязычности, как и от догмы великодержавности, и через реформу преподавания пропагандировать полиглотизм и доводить до конца существующее в больших городах двуязычие.

Язык города невозможно изучать, не обращаясь к профессиональным диалектам, различным жаргонам, аргю, специальным языкам, которыми пользовались и пользуются различные узкие социальные прослойки и группы населения. Эти разновидности речи своеобразны по своей социальной основе и по чисто лингви-стическим

признакам и их изучение, по мнению Ларина, требует особых научных методов, поскольку здесь мы имеем две или несколько языковых систем, находящихся в распоряжении каждой социальной группы с разным по охвату количеством говорящих. Аргумент Ларин считает разновидностью двуязычия, отличающегося от профессионального языка.

“Тремя основными факторами определяется судьба языка, — пишет Ларин, — культурным весом, характером социальной базы и вмешательством политических сил... Если же указанные основные факторы действуют перекрестно или друг против друга — языковая история города оказывается сложной, преобладание или переходит от одного диалекта к другому, или вовсе не достается никому, наблюдается неустойчивое равновесие нескольких языков. ...Будущее принадлежит именно языковой ситуации этого последнего типа, только с четким размежеванием языков и полным прекращением языковой борьбы, т.е. уравновешенному и всеобщему полиглотизму” (Ларин, 1977: 194–195).

С сожалением следует отметить, что начатые в 30-х годах Лариным исследования по городской диалектологии практически прекратились.

Лингвистическое изучение города, исследование речи различных социальных слоев населения в городе, анализ языковых средств в произведениях М.Горького. А.П.Чехова, М.А.Шолохова закономерно привели Ларина к выявлению устойчивых словосочетаний как специфических средств выражения, теоретическому осмыслению свойств этих словосочетаний, уточнению объема и содержания фразеологии — дисциплины, занимающей соподчиненное положение по отношению к лексикологии и тесно связанную с семасиологией и стилистикой.

В статьях “Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов)” (1956) и “О народной фразеологии” (1959) Ларин ставит проблему выявления объекта фразеологии, ее отграничения от лексикологии и синтаксиса, эволюции фразеологических словосочетаний, дает классификацию фразеологического материала.

Фразеология как лингвистическая дисциплина, отмечает Ларин, находится в стадии “скрытого развития”, и самый термин “фразеология” употребляется чаще всего для обозначения материала этой науки, а ее содержание и состав нуждаются в уточнении. Предпосылки фразеологии были подготовлены в лексикографии и стилистике. Задачи фразеологии

Ларин видит в следующем: “Выработать ясную и стройную схему для систематизации фразеологических сочетаний, надо выяснить их образование и историю, надо уловить закономерность их появления и отмирания, удельный вес и соотношение с другими выразительными средствами языка” (Ларин, 1977:127).

В каком же соотношении фразеология находится с лексикологией и лексикографией, синтаксисом? “Граница, отделяющая фразеологию от лексикологии, на первый взгляд очевидна: в одном случае изучаются простые слова, в другом — словосочетания. Однако идиомы, слитные речения можно бы и не противопоставлять простым словам, а считать их только разновидностью слова — “составными словами” и рассматривать их в особом разделе лексикологии... В теории лексикографии не выработано еще четкое решение вопроса о месте, о правилах размещения фразеологических сочетаний... не сразу можно найти и границу, отделяющую фразео-логию от синтаксиса. Та часть словосочетаний, которой не свойственна заметная интеграция, спаянность компонентов, называется обычно “свободными словосочетаниями... Эти “относительно свободные сочетания” отчетливо разложимы и подлежат изучению в синтаксисе. Однако, обособляясь от лексикологии и синтаксиса по основному материалу изучения, фразеология не расходится с ними по первоначальному направлению исследования, раскрытие лексико-семантического состава фразеологического словосочетания и определение его синтаксической структуры... — это первые операции, предпосылка всякого истолкования, всякой систематизации... Синтаксист довольствуется констатацией большего или меньшего соответствия нормам, большего или меньшего отклонения от нормы данного языка в словосочетаниях. Причины, происхождение этих отклонений, функции их в современном языке и на предшествующих этапах его развития — вот задачи, которые будет разрешать фразеология, а не синтаксис. ...Так определяются отношения фразеологии к соседним дисциплинам и ее основные задачи” (Ларин, 1977:127–129).

Рассмотрев отношения фразеологии к другим лингвистическим дисциплинам, объект фразеологии Ларин усматривает в изучении словосочетаний. “Гораздо сложнее задачи фразеологии: надо выработать ясную и стройную схему для систематизации фразеологических словосочетаний, надо выяснить их образование и историю, надо уловить закономерность их появления и отмирания, удельный вес и соотношение

с другими выразительными средствами языка” (Ларин, 1977:127).

Ларин приводит примеры исторической эволюции фразеологических словосочетаний типа *разузнать всю подноготную, впасть в вещь*, т.е. совершать грех, преступление, *птичьим языком* (т.е. свистом) *весть подать* и др. Конечно, до нашего времени сохранился далеко не весь запас фразеологических сочетаний прошлых эпох, но все-таки, полагает Ларин, можно наметить те условия, какими определяется закономерность развития фразеологических стерео-типов и “свободных” словосочетаний. Он выделяет четыре таких условия: 1) утрата реалий, которому соответствует словосочетание в своей номинативной функции (*в боярский двор ворота широки, да з двора уски*), 2) семантическое обогащение (метафоризация) (*было ремесло да хмелем заросло*), 3) утрата подробностей (*хлопот полон рот, а перекусить нечего*, осталось только *хлопот полон рот*), 4) нарушение первичной грамматической структуры — раньше было “*язык Киева доведять*”, а сейчас стало *язык до Киева доведет*”, раньше было “*Трусу праздновать*”, т.е. “справлять праздник святому Трусу”, а сейчас стало *труса праздновать*, т.е. “проявлять трусость”.

Ларин дал свою классификацию фразеологического материала, предложив его трехчленную схему:

а) обычные словосочетания (переменные, “свободные”), существующие в любом языке на любом этапе его развития;

б) устойчивые метафорические словосочетания (“фразеологические единства”, “стереотипные речения”);

в) идиомы (“фразеологические сращения”, “неразложимые речения”).

Существенным недостатком предложенных классификаций фразеологизмов, в частности, предложенных В.В.Виноградовым, Ларин считает и ограничение материалом современного литературного языка. Между тем, по его мнению, нужно разграничивать фразеологию литературную как раздел науки о литературном языке и фразеологию народную как часть диалектологии. Фразеология литературного языка как наука о фразеологических словосочетаниях возникла в XX в. на базе грамматической стилистики, с одной стороны, и обогащения методики лексикографии — другой. Но ведь фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрение народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Поэтому и нужно выделить народную фразеологию.

По критерию усвояемости фразеологизмов, их употреби-

тельности Ларин выделяет следующие основные разряды: 1) общенародные фразеологизмы; 2) областные; 3) общеупотребительные и 4) профессиональные. Трудно выделить областные фразеологизмы. Для этого, считает Ларин, нужно составить карты распространения фразеологизмов по областям. Он отмечает также образность профессиональной фразеологии, выяснение ее источников и происхождения.

В приводимом Лариным анализе фразеологических сочетаний нужно прежде всего отметить их синхронно-диахронический аспект, внутреннюю идиоматичность как основной признак фразеологичности, возникшую в результате разрыва тождества компонентов устойчивых сочетаний. Он впервые поставил вопрос о структурной однородности фразеологизмов как единиц языка и их отграничении от сочетаний, образуемых самостоятельными значениями слов.

Большое место в исследованиях Ларина занимает изучение языка художественной литературы. “Исследование литературного языка, — писал он, — стоит на грани лингвистики и науки о литературе. В прошлом ему уделяли внимание филологи. Языковеды занимались лишь тем, что в нем было общего с другими типами языка. Но изучение литературных видов речи прежде всего должно быть направлено на эстетические их свойства, как отличительные; именно они определяют систему применения языковых элементов в литературном творчестве” (Ларин, 1974:28). Ларин принадлежал к тому типу отечественных филологов, которые соединяли в себе качества и лингвиста, и литературоведа. Не будучи теоретиком литературы и не занимаясь теорией литературных жанров, он занимался стилистикой как частью поэтики, т.е. языком художественной литературы. В статье “О разновидностях художественной речи” (1923) он выдвинул важнейшее для стилистики понятие контекста как нормы, которая складывается в художественном произведении по мере развертывания высказывания автора и его персонажей. Разная ценность слов и их назначение у писателя определяется живым чутьем языка, семантической новизной слов в литературной речи. Ларин предлагает выделить в стилистике как самостоятельную категорию “эстетическое значение слова”, отличающееся от простой суммы значений отдельных слов. Эстетическое значение слова — это глубина смысла, которое слово приобретает в составе языка целого литературного произведения. Ларин подчеркивал, что смысловая сторона художественной речи является определяющей:

“Мое искомое — смысловой коэффициент худо-жественной речи” (Ларин, 1974:47). В статье “О лирике как разновидности художественной речи” (1925) он проводит положение о смысловой насыщенности художественной речи и лирической поэзии. Без новизны — и знаковой, и семантической, — подчер-кивает он, нет ощущения поэтической действительности речи. Эта действительность достигается только путем соединения звуковых и семантических средств. В таких статьях, как “Заметки о языке пьесы Горького “Враги” (1936), “Заметки о языке пьес Горького и его театральной интерпретации” (1948), “Заметки о поэтическом языке Некрасова” (1968) (посмертная публикация доклада, прочитанного в январе 1951 г.), он подчеркивает такой набор особенностей литературного языка исследуемых писателей, которые определяют собой их неповторимое своеобразие.

“Широту своих знаний Б.А.Ларин использовал как для решения очень общих проблем, так и для исследования отдельных явлений, в частности, для выяснения истории отдельных слов, а также в своей лексикографической работе, особенно им любимой...

Б.А.Ларин не был ни догматиком, ни традиционалистом. Его острый критический анализ направлялся на то, чтобы приводить в движение научную пылкость, а не останавливать ее самоуве-ренными и исключающими дальнейшие разыскания ответами.

Вот почему он не создал развитой системы своих взглядов, но дал нечто гораздо более важное для развития науки: он дал направление изучению языка. Система редко переживает своего создателя, направление же позволяет творчески развивать мысли учителя. Первая завершает какую-то работу, проделанную учителем, второе же открывает путь для самостоятельных исследований его учеников.

У Б.А.Ларина не было законченного и “жесткого” научного построения, но были законченные представления о том, что надо делать. Он следовал гибким и творческим идеям, но не жестким концепциям... Часто он разрешал поставленные задачи в оконча-тельной форме, но всегда способствовал их будущему решению Он был в высокой степени социален как ученый, был инициатором многих крупнейших лингвистических коллективных исследований...

Он стремился к коллективности науки...Работы Б.А.Ларина всегда читаются с интересом...” (Лихачев, 1977:6,9–10).

Литература

- Астахина Л.Ю.* Борис Александрович Ларин; (По материалам архива Картотеки ДРС) // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А.Ларина. – СПб., 1993. – С. 30-39.
- Волков С.С.* русский быт и культура в Словаре-дневнике Ричарда Джемса (1618–1619) // Там же – С. 72-79/ ,
- Иссерлин Е.М.* Б.А.Ларин в годы Великой Отечественной войны // Там же С. 9-20.
- Ларин Б.А.* Русско-английский словарь–дневник Ричарда Джемса (1618–1619). – Л., 1959. – 423с.
- Ляхачев Д.С.* О Борисе Александровиче Ларине // Б.А.Ларин. – История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). – М., 1977. – С. 5–10.
- Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. – Л., 1974. – 284 с.
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) – М., 1975. – 425 с.
- Мещерский Н.А.* Б.А.Ларин // Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. – Л., 1971. – С. 149–163.
- Иссерлин Е.М.* Б.А.Ларин в годы Великой Отечественной войны: (По письмам к Е.м.Иссерлин) // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. – СПб., 1993. – С. 9-23.
- Пахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Ч.1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. – Пг. – 1916. 342 с.

Основные работы Б.А.Ларина

- Ларин Б.А.* Проект Древнерусского словаря: (Принципы, инструкции, источники). – Л., 1936. – 180 с.
- Ларин Б.А.* Русская грамматика Лудольфа 1696г. – Л., 1937. – 168 с.
- Ларин Б.А.* Парижский “словарь московитов” 1586 г.: Исследование, издание текста, комментарии, указатели. – Рига, 1948. – 216 с.
- Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619): (Исследования, издание текста, перевод, (комментарии). – Л., 1959. – 423 с.
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XII в.). – М., 1975. – 223 с.
- Список тр. проф. Б.А.Ларина см. в указ. работе, с. 215–222.

Основные работы о Б.А.Ларине

- Груздева С.И., Лебедева А.И. и др.* Борис Александрович Ларин (К шестидесятилетию со дня рождения), // Вестн. Ленинградского университета – 1958. – № 8.

– С. 184–185.

- Богородский Б.Л., Ковтун Л.С., Лилич Г.А.* Борис Александрович Ларин: (К юбилею учителя) // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1963. – С. 5–26.
- Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. – М., 1967. – С.92 – 97.
- Лутовинова И.С.* Об архиве проф. Б.А.Ларина // Русская историческая лексикология и лексикография. – СПб., 2000. – № 5. – С. 15–19.
- Мещерский Н.А.* Памяти Бориса Александровича Ларина // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1969. – С. 5 – 12.
- Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). – М., 1977. – 223 с.
- Лахачев Д.С.* О Борисе Александровиче Ларине // Б.А.Ларин. – История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). – М., 1977. – С. 5–10.
- Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. – Л., 1974. – 284 с.
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) – М., 1975. – 425 с.
- Мещерский Н.А.* Б.А.Ларин // Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. – Л., 1971. – С. 149–163.
- Иссерлин Е.М.* Б.А.Ларин в годы Великой Отечественной войны: (По письмам к Е.М.Иссерлин) // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей к 1000-летию со дня рождения Б.А.Ларина. – СПб., 1993. – С. 9–23.
- Пахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Ч.1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. – Пг. – 1916. 342 с.

Основные работы Б.А.Ларина

- Ларин Б.А.* Проект Древнерусского словаря: (Принципы, инструкции, источники). – Л., 1936. – 180 с.
- Ларин Б.А.* Русская грамматика Лудольфа 1696 г. – Л., 1937. – 168 с.
- Ларин Б.А.* Парижский “словарь московитов” 1586 г.: Исследование, издание текста, комментарии, указатели. – Рига, 1948. – 216 с.
- Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619): Исследования, издание текста, перевод, (комментарии). – Л., 1959. – 423 с.
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XII в.). – М., 1975. – 327 с.
- Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). – М., 1977. – 223 с.
- Список тр.проф. Б.А.Ларина см. в указ. работе, с. 215–222.

Основные работы о Б.А.Ларине

- Груздева С.И., Лебедева А.И. и др.* Борис Александрович Ларин (К шестидесятилетию со дня рождения), // Вестн. Ленградского университета – 1958. – № 8. – С. 184–195.
- Богородский Б.Л., Ковтун Л.С., Лилич Г.А.* Борис Александрович Ларин: (К юбилею учителя) // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1963. – С. 5–26.
- Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. – М., 1967. – С. 92–97.
- Лутовинова И.С.* Об архиве проф. Б.А. Ларина // Русская историческая лексикология и лексикография. – СПб.; 2000. – № 5. – С. 15–19.
- Мещерский Н.А.* Памяти Бориса Александровича Ларина // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1969. – С. 5–12.
- Мещерский Н.А.* Б.А.Ларин // Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. – Л., 1971. – С. 149–163.
- Степанов Г.В.* Б.А.Ларин: (К семидесятилетию со дня рождения). // Вестн. Ленингр. ун-та. Л., 1963. – № 14. – С. 147–154.